

Мурат Султанбеков

Иртъишский остуров

2/3 434272

Каз2
С 89

Мурат Султанбеков

Иртышский остров

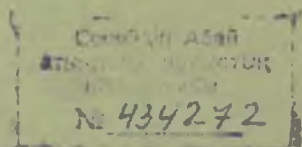
Стихи и поэма

УБ

г. Семипалатинск, 1993 год.

Стихи Мурат Султанбеков начал писать со школьных лет. Затем он осознал, что не сможет расстаться с ними никогда. Его стихотворения печатались в журналах «Простор», «Советский воин», в газетах «Семей таны», «Иртыш», «Казахстанская правда» и др., был выпущен сборник «Новые стихи» (1969).

ISBN 5-7667-0576-х

МАТРОССКАЯ МУЗА

* * *

Весело, как с парашютной вышки,
«Старики» прыгают под крыло.
Шаг — и падо мною звонкой вепышкой
Яростное солнце рассвело.

Я держусь за солнечные стропы,
Сердце мое, как созревший плод.
Небо, ты не будь сегодня строго;
У меня лишь начался полет.

ТРЕВОГА

Топот торопливых ног.
Бегут, и тут, на ступеньках, кто-то:
— Рота, тревога! Единый бросок. —
И мы — вооруженная рота.

Шуток нет, нет лишних слов.
Как будто на лицах иней.
Бросил взгляд на меня Орлов.
Что видит он ночью синей?

Круче дорога. Просвет в небе сиз.
Круг зловец — залив и сопок силуэты.

Я бегу, но тянет вниз и вниз
Полная выкладка силой планеты

Вдруг ЧП — вражеский десант?

Иль хотя б пограничная стычка.

Трассируют ночь звуки команд, —

Резче слышны, чем обычно.

Цепко хватают на каждом шагу

Ветки, камни да кочки.

Линнут ноги к земле.

Не могу, не могу.

Трудно дышать.

Где конечная точка?

Нелегко взбираться в гору, нелегко;

Дважды выучка интеллигенту.

Ты — с завода, ты рос с молотком.
Я со школы — прямо в студенты.
— Шагом марш! —
Пульсирует кровь в висках.

Догоняю свою шеренгу...
Понимаешь, Алеша, забыл про страх.
— Дай каплю силы, земля, в аренду. —
Воля есть. В бой не был готов.

Значит, место в строю будет пусто..
Если вдруг упаду не я, а Орлов?
(Все ж коварное это искусство).
По-удмуртски не бросит:

«Покурим, отец»,
За «отца» извиняясь заранее.
Он, любясь игрой папиросных колец,
Не расскажет о будущих планах.

Далеко за тайгой, возле речки Иж,
Где помнят Чапаева в бурке,
Взгрустнет по нему прибрежный камыш
И заплачут сады Удмуртин..

ОТВЕТ НА ПЕСНЮ

«Мы вас подождем»₁

Занимается новое утро
Над границей советской земли...
Мы встаем по сигналу «побудка»,
Мы живем от любимых вдали.
Наша жизнь — дни тревог, дни учений,
И в короткий солдатский досуг
Вспоминают ребята с волнением
Своих милых далеких подруг.
Ждите, ждите, родные девчата,
Так, как матери ждут сыновей.
Знайте, слово солдатское свято,
И любви нет солдатской верней.

1) См. К. Ваншенкин. Поиски себя. Москва, «Советский писатель», 1985 г., стр. 357

Вновь та песня согреет солдата.
И девчата в напеве простом
Говорят: «Вы служите, ребята,
Вы служите, мы вас подождем»...

НОВОГОДНЯЯ ВАХТА

Снег. Мороз. И веселые лица.
Песни. Елка и праздничный стол.
Ты сегодня стоишь на границе.
Стережешь этот берег и холм.
Ты запомнил не только «полундру»,
В человека влюблен, как поэт,
Ты стоишь, чтобы здесь он и в тундре
Знал не только угрозу ракет..

Новый год скоро вселится в кубрик,
И начнется такой перепляс.
Но, случись, боевую протрубят..
Ты запомнил, как в сторону Кубы

Смотрит в «беске» матросский анфас,
Как кричат шаловливые чайки.
Крон ветвистый для чаек — волна.
Новогодняя вахта кончается.

Новый год взял в объятья меня.
Снег. Мороз. И веселые лица.
Песни. Елка и праздничный стол.
После вахты матросу все снится,
Окрыляя, как чайку — простор...

З А С Л У Ж И Л

Мы встретились в большом столичном городе.
Но тут не встреча,
Поиск и наскок.
О, если бы не служба, в эти годы,
О, если бы не даль путей—дорог!..
И снова перед нами Ата-Тау,
И запах яблок..
Вот зажглись огни.

Мне долго ль помнить скалы и заставу,
В тревоге жить, как у морских границ!
Нет, я не стал грубее там, на флоте:

Матросы душу берегут вдвойне.
Тебя узнал я среди многих сотен.
Ты среди сотен улыбалась мне!
Я не хочу, чтоб стала ты иною.
Иные пусть иной судьбой живут.
Пойдем сегодня в оперу с тобою.
Пойдем в тот мир, где о любви поют.
Еще в ушах и шторм, и шум прибора, —
Среди пустынных вод я долго жил.
Пойдем сегодня в оперу с тобою,
Поверь, я этот вечер заслужил...

* * *

На службе флотской я немало пробыл.
Но глядя на морскую синеву,
Иногда казалось, вижу хлеборобов,
Что днем и ночью, как в бою, живут.
И улетаели самолеты в небо,
И становились точками вдали.
Хлеба в степи, их налитые стебли
Хранили мы на вахте, как могли.
За днями дни отсчитывала служба
До возвращения в отчие поля.
Хлеб-солью доброй осенью, как нужно,
Нас встретила и обняла земля...
И снова, как на флоте, слышу сводки,
Заветных зерен ошущая горсть.
Земля, как море, знает по походке,
Кто свой на ней, а кто на ней, как гость.
Я с детства, затерявшись средь колосьев,
Комбайны кораблями называл.
Не потому ли там среди матросов
Я по-сыповьи поле вспоминал...

НА РЫБАЛКЕ

Волнует царство хлорофилла
На разветвлениях реки.
Любовь и счастье сохранили
Нам острова и островки.

Пойди в осенний парк с тоскою,
Пойди с бедою в зимний лес.
Я здесь секрета не открою,
Бывает чудо без чудес.

Иртыш. Иртыш — мой первый лекарь
С накатом волн издалека.
Опять судьбу мою облегчил
Всплеск красноперки, чебака.

Годов произительные стрелы
Летят по сердцу, как стрижи.
И сердце гордое запело,
Что будет долго-долго жить,

В воскресный день под солнцем жгучим
Вдыхаю чистый кислород.
Ныряют ребятишки с кручи.
А ты все открываешь рот.

В кустах поют о жизни птицы.
И рыба клюнула.
Держись!

Уж чешуя в лучах искрится.
Искрится брызги, как зарница,
Ах, удивительная жизнь!...

М И Р Н Ы Й Г О Р О Д

Гудит весна
и обновляет землю.
К реке бегут по улицам
ручьи.

И в парке гнезда лепят
птичьи семьи.

На небе только
солнце и грачи.

Наполнен майскими
улыбками автобус.

С веселым сердцем
дело веселей.

Пусть счастье кружится
цветастое, как глобус,
стучась в ворота
Родины моей.

Пронизан солнцем
Центр многоэтажный.
А архитектор чертит
новый план.

Пусть в новых скверах
листья с ветром пляшут.
Не станет танком
работяга — кран!

ИЛЬЯС ДЖАНСУГУРОВ

Звенела степь под конскими копытами.
Весенних яблонь цвет, как молоко.
Земля, что саблями и пиками испытана,
Освобождает песни от оков.

Батыры заперли Джунгарские ворота.
Цвели в долинах сливы и айва.
Журчащие рек и горлиц ровный рокот...
Арабской вязью просятся слова.

Следы лежат джейраньи да овечьи:
Здесь звезды южные, как лампы навесу.
Высокий он, как тополь Семиречья
И как мечта красавицы Аксу.
Взвиваются всклокоченные гривы.
Пускает соколом свой голос ввысь Асет
И все семь рек, как неземное диво,
Земле придали доброту и цвет.

Подстать земле расположились кругом
Вдоль рек аулы, песнями струясь...
Вбирай, вбирай, чтоб всей дышалось грудью,
Народную поэзию, Ильяс.

Внимая голосу, склонились тихо горы,
И оперлись о палки пастухи.
Акыну под домбру необходим и голос,
Чтоб зазвучали песнями стихи.
Тогда не время было, а эпоха, —
Реальность романтических свобод.
И петь на старый лад, наверно, плохо,
В шеренге Маяковского и Блока,

1. Асет Найманбаев (1867—1928) — современник Абая,
поэт, певец и композитор.

Когда за власть сражение идет...
В душе поэта чуткость камертона,
И в разуме слова провидца есть.
Оставил Джансугуров для потомков
Все то, что в прошлое уходит, как экспресс,¹
В поэзии есть право Кулагера —
Среди других всегда быть впереди.
Спаялась Джансугуровская вера
С надеждой в поэтическом пути...

НА ИРТЫШСКОМ ВЕТРУ

Лежала степь большой раскрытой книгой,
Поднять ее не хватит прежних сил.
Слыла разноплеменной, многоликой
Земля Мухтара.
Он ее любил.

Мне развернуть бы годы, как страницы,
И оживить дыханьем каждый год.
Представятся таинственные лица
И прояснится каждый эпизод.

О годы, годы — кладовые тайны.
Где спрятана судьбы великой нить?
Вы Ауэзова родили не случайно:
Он книгой степь поднимет, чтоб пленить...

«Ярыш» команда. Мальчуган веселый
Гонял футбол. Хрустел в зубах песок.
Ходил в театр: кулисы, антресоли, —
Давал Семипалатинск все, что мог.
Он рос, преображаясь шаг за шагом.
Его, наверно, проклинал мулла:
Мухтар узнал, что во Вселенной шаром
Плывет его родившая Земля.

И снова — знанья.
Знанья, как открытья.
Он весь в мечтах стоял над Иртышом.
Здесь на ветру его окрепли крылья,
Чтоб ввысь взлететь и воспарить орлом...

¹ Экспресс — один из художественных образов И. Джансугурова.

НА ПЕРРОНЕ

Вновь иду с матросским чемоданом,
Вновь мне в путь, Семипалатник мой!
Опоздал немного
Я — нежданный
возвратиться вовремя домой.

Без меня раскинуты бульвары.
На проспектах — новые дома.
Без меня сошлась в семейной паре
та, что в дружбу верила сама.

Нль закон — опаздывать мальчишкам,
не спускаясь с дальних синих гор?
Взгляд кого-то по перрону ищет.
Да какой теперь уж разговор...

РОДНАЯ ПОЛОСА

ДЕСЯТИКЛАССНИКИ

Транзисторы молчат в десятом классе.
В распахнутые окна входит май.
На свете есть одно, твое лишь счастье.
Его, как птицу, нелегко поймать.

Большими стали тонкие березы.
Учительница первая в летах.
И девочки смеются, пряча слезы.
Хохочут мальчишки, взрослея на глазах.

Не раз считали окна и ступеньки.
Учили карту мира наизусть.
И на последней школьной переменке
Сама собой подкатывает грусть.

Вместят ли поезда и самолеты
Учителей, соклассников, берез?
Сомнений нет ничуть, ни на йоту,
Чтоб школу кто-то в сердце не унес...

Есть в жизни перемены и преграды.
Но постоянны года времена.
Осталась в классе,
как всегда, на радость
Улыбчивая, в бантиках весна...

БУДУ РАД

Я помню девочку с косичками недлинными,
Я помню серые задорные глаза.
Ее движения сравнил бы я с лебедными,
А тонкий стан, ну, скажем, как лоза.
С ней не бродил аллеями тенистыми,
И нужных слов сказать ей не успел.
Хоть были мы в те годы чисто-чистыми,
Друг к другу каждый как-то охладел.
О, поле, поле, поле белоснежное,
В числе других тот белый огонек.
В сугробах снега потерял я нежность.
На поле том построен городок.
Кого винить? Ее или разлуку долгую?
А может быть, я сам в том виноват,
Но если иногда, идя своей дорогою,
Как друга детства, вспомнит, буду рад...

В ШКОЛЕ

Наш старый учитель... Пришкольный участок.
Звонки переменок. И шум детворы.
К ним детство мое бесконечно причастно,
нелегкое детство военной поры.
Оно унеслось, и осталась лишь память
да чистое небо, да в поле косцы..
Вернулись живые, гремя костылями,
иль молча неся фронтовые рубцы.
А дети есть дети.
Им надо учиться, им надо мечтать
всей вселенской мечтой.
Мне снилось:
Иду по проспектам столицы,
Волнуясь еще нерожденной строкой.
О школа!
В каком запыленном архиве
покоится детство мое,
мой двойник?
Я слышу, он шепчет, встречая:
«Стихи бы»..
То вырвется в окна раскованный крик.

Я снова спешу на звонок аккуратный.
Внезапно смущаюсь в кругу малышей.
Ах, знайте, ребята, в рубахе с заплаткой
завидует детство мое у дверей...

УЛИЦА КОМИССАРСКАЯ

Война гражданская прошла по этой,
По Комиссарской улице моей.
Здесь получил прописку я на свете
И рос среди комиссаровских детей.
Здесь деды беловласые под тенью
Широколиственных деревьев, меря слог,
Рассказ вели об уличных сраженьях.
Мы слушали, устроившись у пог.
Я вспомнил детство в солище и сиренях.
Полки, оркестры, крики: «О родной!»
Спилили мы деревья в дни осенние,
Что плачут горьким дымом над трубой.
Из-под ладоней шурились старушки.
За письмоноском — детвора гурьбой.
Пришла победа — замолчали пушки.
Мы закружились, улица, с тобой.
Вернулись победители в пилотках.
В походы трубы больше не трубят.
Назад ушли тревоги, письма, сводки.
Вперед плывут кораблики ребят...
Издалека вхожу в твои объятия, —
Весь в кружевах от окон и дубов.
Пусть и не снится вам, другим ребятам,
Как смотрят окна долго и в упор.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Роскошный снег мне ослепил глаза.
Когда открыли ставни руки мамы
Какой засоня!
Первый снег проспал.
Поймал бы первую снежинку
ей на память.
А на земле такая белизна,
что мать ступает мягко и сторожко.

И девушки душевны, как она,
когда-то мамами, наверно, будут тоже.
И потому мне хочется любить,
Изда любви свершить достойный подвиг.
Не потому ли снег летит, летит,
чтоб этот день я мог навек запомнить.

ПРОЩАНИЕ С МАТЕРЬЮ

Перрой осенний, плачущие лица.
Призывники и шумный перепляс.
Ты зорко берегла в душе границу,
Что между смехом и слезами в нас.

Нет опыта, но есть такая сила.
Что по сосудам перешла в меня.
И с юных лет все то, чему учила,
Не каждый может и сейчас понять.

Сидел над книгами,
Не зная сна и ночью,
Грузил, летал, водил и трактора.
То видел, как провидец, жизнь воочию,
То, как поэт, слонялся до утра.
Гудок последний дал колесам ходу.
Им много дней стучать, стучать, стучать.
В запасе есть непрожитые годы.
И сердце есть: в нем бьется слово «Мать»...

ЗВЕЗДА

Брату Самату

Звезда моя,
не ты ль со мной родилась
И детство
проводила у реки?
Не ты ль со мной плыла
на волнах-крыльях,
земною став,
природе вопреки?
Пути, пути...
И снова звездный город...
Хочу на небо
по ночам смотреть.

Нет мамы, нет, —
и пересохло в горле.
Струнь, звезда,
вливая звону в голос.

...Без доброты
и добрых песен нет.

О Т К Р Ы Т К А

Как хорошо, что есть восьмое марта,
Что жизнь и объективна, и мудра.
Мужчины, как «болеельщики» азартны,
Воспалены, как игроки, с утра.

Но что найти, достать какую птицу,
Чтоб крылья ощутила дочь моя.
Чтоб дом мой покидая в колеснице,
Не забывала птицу и меня.

А ты, сестра, давно за синей птицей
Вспорхнула вдруг с родимого крыльца.
Заполнили наш дом другие лица,
Как кони то мамы, то отца.

По-мартовски и голуби воркуют,
Носители спокойствия земли.
Жена, жена, я про себя толкую,
Что правильно дороги пролегли.

Семейный лад.
Свекровь была, как лето,
В беседе мирной распивала чай.
Открытку, мама, сына и поэта
Последней, как при жизни, получай...

П Р И О Б Щ Е Н И Е К Т Е А Т Р У

И. К. Вишневскому

Война...
Нужда послевоенных лет.
Каким-то чудом притянула сцена.
Костюмы, грим и суета сует:
Любовь и дружба, преданность, измена,
В спектаклях-сказках
низвергалось зло:

Иван-царевич сек мечом булатным,
Арбузовскую Таю занесло
Стезей романтики в Сибирь куда-то...
По-русски зазвучала и «Майра»,
Где зря ловчил Дурбит
в турецкой феске.
Премьеры все сквозь годы, как вчера,
Встают за тюлем — легкой занавеской.
Тот наш союз питает до сих пор
Окрепшее духовное здоровье.
И если где-то будет перебор,
То вспомним сказки —
Жизни предисловье.
И скажем, что нам в детстве повезло,
Что рано мы входили в мир театра.
Наш первый режиссер, без лестных слов,
Предвидел, подсказал и наше завтра.
В далекой юности послевоенных лет
Великим чудом притянула сцена,
И в нашем режиссере клином свет
Сошелся
и остался неизменно...

ВОЗВРАЩЕНИЕ ПТИЦ

... Смотрите же, други, —
Весеннее диво:
Небесный парад под взволнованный крик.
Грачи черпокрылые стаяй шумливой.
И строй журавлиный по-воински лих.
Наверно, кричат, стосковавшись по дому,
Наверно, наш край им роднее, чем юг.
Так вот почему не могу я подолгу
Хранить безмятежность
в дни и ночи разлук.
Курлычат призывно в той сини глубокой.
Командуют что ль на своем языке?
Звезят в моем сердце высокие строки, —
Я тоже лечу с ними в тесном рядке,
Коль были ошибки, сегодня их смою,
Родные края я не меньше люблю.

Я снова мальчонка с кристальной душой:
Ладонями клин журавлиный ловлю.
Есть в детстве далеком грачиные гнезда...
В окно я следил за работой грачей.
Тогда я смотрел на них с детским вопросом,
Не зная, что в жизнь их возьму, как друзей.
Закрою глаза — снова в детство лечу я.
О, как по-саврасовски птиц мне воспеть.
Они нынче радость мне дарят, врачуя.
Смывая тревоги всех прожитых лет...

МОЛОДОЕ ЛЕТО

Шиповника куст возвестил о начале
Иртышского красного лета.
У берега чайки опять закричали,
Волнуя младенца и деда.
Особое лето у нас, в Прииртышье:
Боярка, черемуха, травы, цветы.
Как плещется рыба в реке
так и слышно.
Притих одуванчик, стыдись наготы.
Не мчись напролом по зеленым просторам.
Спокойно пройди по полянам в цветах.
И запах полыни почувствуешь горлом,
Ромашки и ягоды встретишь в кустах.
Допосится песня с летучей «Ракеты»
И волны по галькам пускаются в пляс.
К воде побежали беспечные дети.
Пусть нынче и солнце палит, не скупясь.
Хорошее лето. Богатое лето.
Дома этажами уносятся ввысь.
Ребятам — строителям с десятилеткой
На небе чужда, как пилотам, корысть.
Причалил июнь. Начинается лето.
Колосья нальются, созреет арбуз.
Хоть я улечу на другую планету,
К тебе, Прииртышье, как сын, возвращусь...

В ОСЕННЕМ ПАРКЕ

Идут студенты.
Поша вся в портфелях.
Беспечный смех:
— Синица! Красота!

И парами смотрели, что-то вели.
Я встретил юность осенью
вот так.

Ах, осень, осень!
Мне не так уж грустно.
В тебе есть
свой кочующий уют.

Ты возвращаешь
к позабытым чувствам,
Что, как синица,
вереща, клюют.

Вот этот парк.
Какой-то вальс забытый.
Хороший взгляд.
И молодая статья..

В осенний день
пред памятью открытой
Лишь листья могут
тихо так летать.

Любовь была,
как тоненькая питка.
Где смелость, там и робость.
Вот контраст!

Однажды
так захлопнулась калитка,
Что полетел
разорванный «контракт»...

У осени свои цвета
и краски.
В газету долго смотрит
дед в очках.
Всплывают где-то
И мечты, и сказки,
И музыка
веселого катка.

По небосводу
пролетают птицы,
Чтоб их не заморозил
ранний снег.
А я то смел, то робок.
И мне снится,
Что слышу то отчаянное:
— Нет!..

ОСЕНЬ НА ОСТРОВЕ КИРОВА

Шуршанье листьев, словно отзвук детства.
Гармошка, самовар и конь гнедой...
Досталось мне великое наследство —
Иртышский остров и отцовский дом...

Рыбачат на протоке мои дети.
И галки суматошные парят.
На Кировском я вспомнил стих поэта,
Кто вел отчет годам от сентября.*

Сильны под ветром тополя столетние
И кленов оголенные стволы.
Мы много песен спели этим летом.
Зимой перепоют ли нас щеглы...

В высоких тополях повисли гнезда...
И вправду ненасытен долгий взгляд.
С моста такси сверкают, словно звезды.
Как мчится светлый катер —

Глянь-ка, глянь!
Легки стрекозы,
Крылья их прозрачны,
Как та вода, что в русле Иртыша.
Забыты все удачи, неудачи.
Так в Прииртышье осень хороша.

* А я опять мнувшее птожу,
Мой день рожденья у моих дверей.
Я поднимаю солнечную пошу —
Охапку отзвевших сентябрей.

Семен Ачигмоч.

СТАРОЖИЛ

Уже немало лет, уже за сорок..
Здесь преданно живу я, старожил.
Цела изба отца, где вор, как ворог,
Скрепя по снегу, вокруг нее кружил.

Была война и в доме пусто-пусто.
(Не знаю уж, кого тут совестить).
Но этот скрип пристал к тем первым чувствам,
Что суждено так долго нам нести.

Игрушек нет, но все ж должны быть игры:
Я строил из песка дома, дворец.
И незаметно в оглушенном мире,
Смежив глаза, ушел от нас отец.

Осталась мать. Единственная мама,
Сегодня и тебя уж нет в живых.
Оберегала нас, детей, как знамя,
В защиту выступая за двоих.

Забор квадратом. Щель была в воротах.
Пищало коромысло на плечах.
Встревоженный соседскою красоткой,
Зеленый куст, казалось, чах и чах.

Калитка, двор, мычащая корова
И пахнущее полем молоко.
И матери поверил я на слово,
Что будущее будет нелегко.

Так нелегко, когда качают корни,
И глаз не различает доброту.
Уж не летит над домом серый коршун,
Когда плывет отечественный «ТУ».

Жива, жива и память первой дружбы,
Хотя дороги дружбы нележки.

Наколками в заброшенной избушке
Мы в верности клялись, как моряки.
«Индейским станом» был иртышский остров.
Мы улюлюкали средь зелени и птиц.
Все было в жизни просто и непросто,
Что иногда и крикну:
— Отзови-и-ись!...

ПРОЩАНИЕ С ТЕАТРОМ

На последнюю встречу с театром
Торопливо шагает актер.
И гремит, и скрипит экскаватор,
Оглушительно стонет мотор.

Разрушается старое здание.
План строителей — компас в пути.
Лишь однажды живет мирозданье, —
И один человек во плоти:

Не дано ему новое сердце.
Жизнь прошла поэтапно и враз.
Кулуары, знакомые с детства.
Тенорок неокрепший и бас.

Здесь и сцена была, и квартира.
Здесь услышал он первенца вскрик.
Оживлял этот дом и Шекспира,
Чтоб с актером
На «ты» говорил.

На афишах —
Островский и Майлин...
Разомкнулись «Абая» уста.
Для театра родившийся мальчик
В стариковских ролях неспроста...
Он простился с театром-квартирой.
Роли, роды, актриса — жена.
Настоящие слезы кумира
Видит, падая, сцены стена...

• • •

Еще одна зима уходит в небыль.
На лицах не увяла красота.
Я вспомнил и в огромных хлопьях небо,
И очерк оголенного куста.
Не обвиняю прошлых лет за скорость:
Нет бабушки, котят, веретена.
За нами вслед растет иная поросль,
Надеждой омолаживая нас.

По рельсам катят великаны краны.
Хожу на поднебесных этажах.
Зима, зима...
Как на кипозкране,
На снежном фоне лица горожан.
На первых каплях — солнечные блики.
Кружит у водостока воробей.
Дороже трелей ныне чик-чирки.
Короткий месяц.
Месяц — бокогрей.
Иные игры нас волнуют ныне.
По справедливой остается суть:
И на морозах дерево не стынет,
Когда так бесконечен жизни путь.

ПЕРВЫЕ ДРУЗЬЯ

Мне повезло на песни и друзей,
На преданных мальчишек и девчонок.
Я вспомнил их в один из ясных дней, —
Звучала песня давняя «Орленок».
Не перечислить всех по именам,
В далеких днях их было много-много,
На острове — тальник и птичий гам.
Купальщики ступают голоного.
Друзья мои, шагая стороной,
Ношу о вас стихи-воспоминания.
Кружила жизнь как купол голубой
Кружил под карусельные катания.
Друзья постарше открывали мир:
И «Царь Салтап» и «Шурале» Тукая.
Так мы росли на всех ветрах семи,
Что дули, унося и увлекая.
Обрыв иртышский до сих пор Монблан.
В груди звенит июльский голос чашек.
Уплыли и матрос, и капитан,
В пных штормах отчаянно качаясь.
И все-таки надежны паруса.
На мир глаза открыты, как на диво.
За годы полстраны исколеся,
Я вижу вас с иртышского обрыва...

ОЖИДАНИЕ ВЕСНЫ

Почему не уходит зима,
Засыпая балконы снежинками?
По пороше, как будто не март,
День скрипит меховыми ботинками.
В человеке есть верный резон, —
С ощущением возраста летнего
К Иртышу уходить на озон,
Как кавказцы — к горам долголетия.

Возвратятся друзья с островов,
Где себя открывали таинственно.
Запоет мое сердце без слов,
Как весною однажды — единственно.

Эх, друзья, улестившие прочь,
Как скворсиши жильцы перелетные.
Нелегко нам друг другу помочь,
Моряки, инженеры и летчики.

Нынче март, как зима, не весна.
Надо б к встрече друзей подготовиться:
Просто в жизни есть все времена,
Просто весен все меньше становится...

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПРИИРТЫШЬЕ

О рельсы, стегайте по резвым колесам.
Пусть мчатся назад полустанки, столбы.
Я скоро увижу картинку с откоса:
Мечети и домик, где сторож — бобыль.

Привет, дед-морозовы сосны и ели!
Мне чудились звери и в вашей глуши.
Казалось, сквозь ветки, вздыхая, смотрели,
Как в сказке: медведи и их малыши...

Исчезли поля в помидорных свеченьях.
Встают этажами дома земляков.
Попали мечети в кольцо окружений
Шiroких, высоких, стооких домов.

Бульвары и скверы, за кранами — краны.
Ты все молодеешь, мой город родной.
Но только чуть грустно, что ныне к фонтану
С соклассницей ходит курносый другой.

В свой город я рвусь, как когда-то в столицу.
Здесь степь, лесостепь.
Пограничник — Иртыш.
Здесь давние годы я вижу сквозь листья.
Они берегли меня в дальнем пути.
Иртыш, мой Иртыш...
Ты и грозен, и нежен,
Ты ног отпечатки хранишь на песке.
Костры разведя, мы с рыбацкой надеждой
Сидели почамь приткнувшись к реке
Хоть все изменилось, во взрослые годы
По масти я помню своих голубей.
Вагоны, вагоны..
Вагоны-люгоны
Пред знаками дальних и близких огней...

ЗА ИРТЫШОМ

Ильясу И.

Над нашим домом голуби летают,
Определяя давние круги.
За Иртышом та юность золотая,
Что стала тенью юности других.
Мы загоняли красношалих в летку.
Черемуха — под снейшей высотой.
Трусилы мы в пилотках за пилотками,
Забыв возвращения домой.
И судьбы параскиданы, как карты,
Вслед голос тот: «Проклятая война!»
Наверно, он в трагическом ударе
На мир воскликнул, думая о нас.
Не потому ль так беспокойна память...
Но наши мушкетеры все в пути.
Как мне искать секрет искусства Пабло.
Так и тебе в дороге не остыть.
На Иртыше играют те же волны,
А голос тот о голубях пост.
Шуршанье слышно снова крыльев звонких

И свиста сильный, реактивный взлет.
Уж наши дети хмурят в небо брови.
Висков коснулась крыльями зима.
Мотая километрами дороги,
Шофер сильнее всадников Дюма...
Над нашим домом голуби летают,
Определяя давние круги.

За Иртышом та юность золотая.
Что стала светом юности других.

Д О Р О Г А

Уплыло детство давней осенью.
В нем было небо, звездный стяг.
В наплыве лет заветной просинью
Оно осталось, — мой костяк.

Дорога — вольная артерия.
А отчий кров всегда один.
Не вызывают в нем доверия
В пути промотанные дни.

Есть направленье силы воли.
Пилоты мчат из края в край.
Я торопил и гнал свой возраст —
Умчал на юг, где долог май.

Там пахнет летний зной урюком,
И виноград дразнит лису.
Вдали мне отчий дом порукой:
Ташкент, Дарья и Джетысу...

Ах, путешественница — юность,
Сестра родная аргамаку!
На стольный град любил в полночь
Смотреть в окно и видеть знаки:
То точки окон, э«м» метро.
То СЭВа здание, как книга.
Промеж почную тьму народ
Мчит в электричке светлой шитью.
И вновь дорога и дороги.
Тайгу я видел наяву.
За дымкой Золотого Рога
На лентах якоря плывут.

Учеба, служба, снова — служба...
В клубок свернувшись и шпя,
Дорога, ставшая подружкой,
Легла у ног моих опять.

Еще есть южные курорты,
Коттеджи белые в Крыму.
До ослабления аорты
Дорога будет по уму...

ОКНО СОКЛАСНИЦЫ

Поэма

Пролог

Ах, годы, в моей жизни иллюзорные,
Ты улетела, словно птицы осенью.
Десятки лет прошло.
Теперь и я
Со сверстниками «щеголяю» проседью.
Мечтали мы о белеснежной Арктике,
О небе, не имея летных прав.
Мам снились звезды в таинствах галактики
Еще без слов, как «спутник», «космонавт».
Какие были смелые романтики
Мы с другом, отправляясь в дальний путь!
В военных школах обучались мальчики,
Определив послевоенную судьбу.
Сердца стучали в такт колесам поезда,
Валили вдоль состава дым и гарь.
И за пределы часового пояса
Мчал паровоз, как черту на рога.
И были мы томимы неизвестностью.
Оставив две столицы позади.
Как уроженцы прииртышской местности.
Мы ахали на южные сады.
О, щедрая природа Средней Азии,
Плодовая долина Ферганы,
Как обошел я вас в своей поэзии!
И в этот раз не испую вина...

Питали соками деревья южные,
Поила и купала Сыр-Дарья.
И перепелки на деревьях дружно нам
Из клеток все велели: «Спать пора»...

Я помню хорошо вершины горные,
Куда нас властно звал седой Памир.
Ах, годы, в моей жизни иллюзорныс.
Вы — компас и здоровый эликсир.

В аллеях винограда под тюльпанами,
Что днем со склон Памира всем видны,
Скучали по просторам Казахстана мы,
По островам иртышской стороны.

Там мы одеты были, как с иголки,
Там и закалку дал всеильный спорт.
В фуражках летных с голубым околышем
В строю ребята были на подбор...

В почете у девчат послевоенных
В военной форме были все подряд.
Писали они в письмах откровенных.
Что дорог незнакомый адресат.

Так получилось, что с дружкой Булатом мы,
В макете подержавшись за штурвал,
Бездумными вагонными раскатами
Вернулись к Иртышу, на свой вокзал...

ГОДЫ И ПОКОЛЕНИЯ

Родимый край!

У каждого он свой.

Неповторимы в нем зима и лето.

Раскованный Иртыш поет весной.

А осенью грустят в стихах поэты,

Для школьников все сроки хороши:

Зимою ждут весны и дней каникул,

А летом, нарезвившись от души,

Ждут сентября, чтоб вновь засесть за книгу...

Булат вернулся в свой знакомый класс.

За окнами аллеи побелели.

Давно ли малышом он в классный час

Сажал со всеми яблоньки в апреле?
В зеленом кителе, в значках и без погон,
Похож на отслужившего солдата,
Ходил он стройно и со всех сторон

Бросали взгляды девушки украдкой.
Ах, давняя мальчишечья пора,
Когда в крови накапливались силы.
Когда их было столько: тать — не тать,

И без толку по улицам носились.
Еще не отошел фотоальбом,
Еще писали о любви записки.
Сегодня школьники — с нас копии лицом,

Но по манерам не подходят близко.
Я не сужу их за лихой прогресс:
Сегодня так шагнула и наука.
У них другие песни, интерес.

Но уважать должны, как мы, друг друга.
Мы брали под руку девчат лишь в гололед
И лишь на свадьбах прикасались губы,
Сейчас привычно видеть, как идет

Мальчишка с девочкой и тут же приголубит.
У каждого транзистор и часы.
Весь мир показывает дома телевизор.
Но к тайнствам запретной полосы

Нельзя без строгой и особой визы...
Во все года да и во все века
Живет природа по своим законам.
Ломает лед весной Иртыш-река

И прячет теплоходы по затонам.
Черемуха оденет белый цвет,
И почками начнут стрелять деревья.
Так мир устроен: каждый человек
Судьбой определяет свое время...

НОВОГОДНИЙ ВЕЧЕР

Когда-нибудь, возможно, и любовь
Подвластна будет правилам науки.
Но и сейчас не каждый, не любой
Воздействию ее познал в разлуке.

Листики свои теряет календарь,
Как будто повинуюсь чьей-то воле.
И вот настал еще один январь,
Последний Новый год в родимой школе.
Большая елка. Шумный маскарад.
Соклассники кружились в легком вальсе.
Забившись в угол, с завистью Булат
Следит, как кружит в вальсе Ваня Валою...
Зачем здесь офицерской формы блеск?
Восторга нет от всех твоих регалий.
Хотел он при погонах вызвать стресс
У девочек на новогоднем бале.
Пошел он даже в буйный перепляс.
Да, были «ахи», «охи» поначалу.
Увидел он смешинку серых глаз
И всю иной соседку свою Валою...
Владела иностранным языком
Отличница, рожденная москвичка.
Пока настанет где-то перелом,
Бывает же такая обезличка.
За партией рядом, дома, как мечта:
Булат в ударе, в новом интересе,
В сокласснице раскрылась красота,
И наш Булат сам оказался в стрессе...

В ДОМЕ ГИЛЕВЫХ

Как будто стали и длинней уроки,
И покороче стали вечера.
Ее лицо, как в полевом бинокле,
Встает перед глазами много раз.
Идет снежок и на проспекте белом
Светлее снега Валино лицо...
И сунул на уроке оробело
Булат записку ей без лишних слов.
— Я вижу, что отстал от вас немного, —
Писал он и, чтоб робость превозмочь,
Не стал искать изысканного слога,
Закончил так: «Не можешь ли помочь?»
И начертила быстро Валя схему
Квартала, где стоит Гилевых дом.
Он заучил ее, как теорему,
И понеслись недели колесом...

НИНА ЛЬВОВНА

Белый снег, как белая бумага.
На душе еще белым-бело.
Прозапас есть сила и отвага,
Школьное учение дало.

От природы есть еще горение
И наследствe чистокровных ген;
Знал он наизусть стихотворения,
Для задач хватало перемен.

Просидев у Вали больше часа,
Одолеть не смог пример Булат.
За ночь все ж на удивленье класса
Своего добился азамат.

Никогда отличником он не был.
Но всегда готов был отвечать.
Будущее, как великий ребус,
Предстояло юноше решать.

А пока он мчался после школы
По сугробам в дом, как в детстве в цирк,
Он бежал наискосок по полю,
На окно держа ориентир..

В том окне был силуэт в деталях,
До сих пор родной и дорогой.
В том окне склонясь, Булат и Валя
Заседали в позе деловой.

За уроками бывали и беседы
С контурами плана на окне.
Чудились большущие победы
В необъятной звездной вышине.

Эх, пора мальчишеских иллюзий,
Высота несбывшейся мечты!
Уносясь за контуры Союза,
Знать бы им, что хватит полпути.

Прерывала эти грезы мама,
Нина Львовна чуяла, как мать:
Неспроста, как заговор, рядами
Имя дочери вписал Булат в тетрадь.

У нее есть родственник в Италии.
У нее какой-то знатный род.

Призрачность всех будущих регалий
Дочь ее сегодня не поймет...

По-московски «акающим» слогом
Разводила розовых ребят:
— Времени, смотрите, уже много,
И тебе домой пора, Ба-лат! —

Возвращался в хилос жилище,
В дом, где мама, отчим-командир.
Закружилась голова мальчишки,
И в окне иным стал звездный мир...

СЕМЕН ПЕТРОВИЧ

В памяти народной много песен
О влюбленных горестных сердцах
О Ромео и Джульетте плесень
Не берет сказание в веках.

За любовь прозвали и Меджиуном,
Сумасшедшим, проклятым, больным.
Можно быть и жителем подлунным
Без любви, как стойкий пилигрим.

Но тогда нет сил Козы-Корпеша,
Нет добра, что сотворил Кебек.
Пусть не столько, пусть клубок в орешек
Получает каждый человек...

И тогда спокойны будут нервы,
Воцарится на душе добро.

Мир предстанет красивой, во-первых,
Во-вторых, обогатится кровь.
Не беда, что одолела бедность,

Не прошла послевоенная нужда.
Просветленный взгляд глядит победно,
Хоть экзамен ни один не сдан.

Есть на свете милая подруга, —
Удалось на счастье повстречать.
Стройный стан, глаза ее и руки
По-людски прекрасные, о, мать!
Быстрее мы живем единой верой.

Крепкой пробы смешанная кровь...
Вздрыгнул вдруг Булат без суеверий.
Как явился сам отец Гилев

По-спартански волевой, басистый,
В Прииртыше прибыл ставить мост.
Мог пойти он в главные артисты,
Но мосты — призвание и пост.

Днепр и Волга, Енисей и Лена
Помнят его плащ и сапоги.
Для него — ни выходных, ни смены:
Лень и праздность — первые враги.

Но к тому же мало детям ласки
Уделял начальник и отец.
Не сидел, рассказывая сказки,
Стройка — жизни всей его венец.

Он якшался с тайнами природы,
Робинзоном плыл на острова.
Птицами на плечи сели годы,
И белее стала голова...

Прииртыше летнею порою
В разноцветье — бал и маскарад.
На траве и под крутой волною
Силы копишь, как весной сад...

Был Семен Петрович скуп на слово,
Лишь однажды пробасил: «Джигит»!
По-рабочему отвечивал: «Здорово»,
Благодушно — только не солги.

Над рекою за крутым обрывом
Полосой лежит сосновый бор.
И с Алтаем лентой непрерывной
Край повенчан издавно судьбой..

ИВАСЬ

Есть у Вали и братишка Ваня.
Звали его ласково: Ивась.
Рассуждал Булат о каждом в плане,
Как здесь каждая персона отнеслась.

Ваня, как все дети, был резвяка,
На колени норвил подсесть.

Но бывало иногда как брякнет,
Как начнет: «Иван? Мой тезка здесь?»»

Ваня-несмышлениш, первоклашка.
Заводила шумной ребятни.
Рвался в двери, суетясь, как птичка.
Валентина и Булат резвились с ним.

Игры, как и люди, отходили.
Но одна есть с дедовских времен:
Мчаться с гор на лыжах что есть силы,
В санках с них катиться под уклон.

В белоснежное веселье окунулись
Два соклассника и маленький Ивась:
Санки мчали вдоль домов и улиц,
Где в сугроб не мудрено упасть.

Так упасть, чтоб оказаться рядом
С Валею, с Валентиной, только с ней.
Скованный ревнивым детским взглядом,
Поднимал подругу он скорей.

Все надежды — за запретной зоной,
В варежке тепло ее руки.
Человек, поистине влюбленный,
Счастлив прежде больше от тоски.

Тосковал Булат в тепле, уюте,
В комнате, где Валино гнездо.
Мимолетно естество по сути,
Проходил мальчишеский задор.

Оттого, наверно, Валя смело
Стул валила, седока зажав.
И Булат вплотную то и дело
Ощущал спиной округлый жар..

На ковре был берег итальянский
И фланировал заморский люд.
Там пейзаж похож был на Сарьяна,
Где деревья южные растут.

Но дорожке все ж иртышский остров,
Тополей столетних колыбель,
Зимний ветер задувает остро;
Где-то приближается метель...

ЭХ, САНИ

Как хотелось Ване
Сесть в лихие сани, —
Упросил Булата и сестру.
Конь Бескарагая
Мчит, как птичья¹ стая,
Развевая гриву на ветру.

И пока что гости
Поднимают тосты,
Валю с Ивасем, Булат, катай.
Если б дали волю,
Он увез бы в поле,
За сосновый бор, в Бескарагай*.

Вдоль ворот и окон
Вслед летит сорока,
Провожая их до Иргыши,
Веселы «цыганка»,
Белокурый Ванька.
Снег взвихрился, как кветями шаль.

Вьется шарф крылато
За спиной Булата.
Не зови к покою, муэдзин.
Мимо школы, церкви
С белым пересверком
Вороной уходит в стень, как клин.

А в стенья есть волки, —
Будут кривотолки.
Встретитесь еще в бору медведь.
Валя, словно солнце,
Где твоё оконце
С зимними узорами, отъезть?

Вещие узоры,
Затуманив взоры,
Уносили от мечты к мечте.
Копь с горячим храпом
Уносил на Запад,
Не в дворец, а в университет.

*Бескарагай (каз). — пять сосен, пять сосновых лесов

— Подержи-ка вожжи,
Валя, друг пригожий,
Прелести степи запомниай.
Как дышала Валя, —
Грудью жгла, как пламя!
Увезет Булат в Бскарагай...

Но лишь будут сниться
Серые ресницы,
Розовые волосы и стать.
Отмелькали ели, —
Иртышом летели;
Дома заждалась в тревоге мать..

ОСТРОВ БЕЛОЙ ЧЕРЕМУХИ

23 февраля

В те года сильнее гремели марши,
Распевали песни о войне.
Молодежь боготворила старших,
Побывавших в боевом огне.

Восторгались подвигами Зои
И казахской девушкой Маншук.
Оживали павшие герои,
Кто взаправду, кто как в душах дух.

Дали школе имя Кошешого,
Встал Олег из книги, в мир шагнул.
И про летчика Талгата, про живого,
Повесть* знали город и аул..

Та традиция в игре «Зарница».
В том, что ныне носит молодежь.
Перед свадьбой ходят к обелискам
Молодые — ритуал хорош.

Покидают бабушки, а сказки
Детям подает теледпдар.
И любовь без лишней связки-ласки
Преподносит внуков — высший дар.

В радости за продолженье рода
По квартирам сверстники звонят.

*Повесть С. Бакбергенова «Талгат» о дважды Герое Советского Союза Т. Бигельдинове

Чудо из чудес — сама природа
В дедов превратила их, ребят...

А ребята тех пятидесятих
За окном могли стоять в мороз;
Чувства были и верны, и святы,
Как полоски на стволах берез.

Уходило золотое время,
И никто не знал ему цены.
Это время — целая поэма,
Коль еще слова любви даны.

Хоть Булат и был немногословен,
У него есть принцип и закон;
С шумными соклассниками ровень
И мечтать, и спорить в унисон.

Только вот не ладилось с Иваном
С русой шевелюрою до плеч.
Кажется, ходил он на свиданье
Тоже к Вале, но не мог засечь.

А мечты бывали романтичны;
То Москва, то Марс — простор небес,
Ныне дети более практичны,
Словно в них вселился «умный бес»...

О Москве толкуют, будто рядом,
Толчея сморщила их вконец.
Помню, представал пред нашим взглядом
Кремль и МГУ — мечты венец.

Правда, ныне нет уж тех провинций;
Этажи кварталами растут.
Атомные лайнеры, эсминцы
Дальними маршрутами плывут.

Но тогда все нравы были строже.
Как-то Вале он сказал спроста,
Про кого-то: «Брешет». Ну и что же?
Отчитала: «Как так? Перестань!

Про собаку говорят, что брешет.
Как ты о товарище посмел!»...
Он стоял, лишившись дара речи,
Наш Булаг, и тут же покраснел.

Огорченью есть всегда отрада,
Иначе на свете тяжело жить.
— Фото ты просил мое когда-то.
Вот, возьми. Да, ладно. Положи!

И запомнил тот февральский праздник,
День Советской Армии, Булат.
Лушче в мире есть подарок разве?
Благодарен Вале он стократ.

Был на снимке белый лик на темном:
В черной шубе, в шапке набекрень.
Надо ж было осознать влюбленным
И любимым в тот заветный день..

МАРТ

Запомнилась в комнате Вали
Картина известная «Март».
Морозы в тайгу отступали, —
Весна выходила на старт.

Вокруг, как сюжет Левитана,
Земля перемены полна.
По снегу не мчат уже сани,
В сарае хомут для коня.

Торопятся с горных залысин
Еще молодые ручьи.
И школьнички носятся рысью,
Как зайчиков пятна — лучи.

От снега избавились сосны,
Есть радость в томленьи берез.
Покроет зеленая простынь
Округу со звездами рос.

Веселье вселилось в скворешни
Со щебетом черных скворцов.
С рождения все мы безгрешны,
Но жизни-то нет без грехов.

Однако все дело здесь в мере
И в том, где какие весы.
Булату уж можно доверить
Вести скакуна под уздцы.

Он с Вале́й и в чувствах, и в мыслях,
Ведет разговор и во сне.
Бунтуя, как голуби, взмыли
Веселые силы к весне...

В снегах еще синие тени
Под солнцем и сводом небес.
Весенние стихотворения
Поэты строчат для невест.

Так в мартовский праздник в мгновенье,
В пылу, как бахсы или маг,
Булат написал поздравленья
Сокласснице даже в стихах..

ЯВЬ И СОН

Высвечивает гениальность редко
Извечную историю землян.
— По крови с русскими сроднились предки,—
Когда-то говорил еще Чокан.

Загадочны поступки Мономаха:
Женил на половчанках сыновей,
Княгинями двух дочерей кипчаков
Ввели в палаты Юрий и Андрей.

С восточными захватчиками в споре
Слагал историю степной народ.
Когда невыносимо дальше горе,
Его за горло человек берет..

Опасна все ж и через меру радость.
Нет никого — они и тишина..
Под тиканье часов простая разность
Колола мозг и стала так сложна.

Растаял снег на «Марте» Левитана
И будто лошадь встала на дыбы.
Соклассница извилинами стана
Влокла, как дар природы и судьбы...

Булат припомнил что-то о Курчатове,
Потом дошел и до созвездья Иса.
Синьоры с коврика как будто рвут перчатки,
Казалось, подают и голоса.

Она сразила трепетаньем кожи
Подсудную мальчишескую страсть...
Вздыхала Валя молча, осторожно,
Как будто что-то вдруг могло упасть,
Благое напряжение волн падо,
Чтоб вдруг воззреть соклассницу княжной.
Открытие любви звездой «Отрада»
Назвал Булат Калиев сам не свой...

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК

Волнует каждый раз весны цветенье...
Семипалатинск навсегда в судьбе;
Здесь жил Булат от самого рожденья,
Деля с ним тревожения побед.
С ним, как с отцом, держал он связь в разлуке.
Познал он здесь и первый круг любви.
Глаза раскрылись и окрепли руки,
Хоть время испытай, останови...

Промчалась суতোлка школьных буден.
В один из майских просветленных дней
Звонок последний зазвучал, как бубен
На острове для островных людей.

Украшена по-праздничному школа,
А впереди — безвестные пути.
Валюха, Валя, солнце проколело
Светлынь волос, что глаз не отвести.

Взволнован по-особому директор,
Подергивая синий китель свой.
Он говорил торжественно и резко,
Чтоб шли по жизни все мы с головой.

Выпускники стояли строем чинно:
Иван Косых, Гилева и Булат,
Который по осознанной причине
Звонку такому был не очень рад.

Порой бывает весело от грусти
На торжествах, где крутят жизни диск.
Стояли младшие, как прошлое, как устье,
А мы, как уходящие на риск.

И барабанный бой, и звуки горна,
И на ветру полошущий стяг,
Волнуя, перехватывали горло.
Прощание такое — не пустяк..

Калиев обменялся с Валей взглядом.
Она пришла на тонких каблуках.
Как хорошо, что есть она, что рядом
Сияет радость в девичьих глазах!

Булат в разлуке не забудет Валу,
Как сын не забывает кров отца.
Бывают в жизни, ох, какие дали,
Смывающиеся все черты лица..

Пока же будущее то еще, в котором..
О горе и потерях мысли нет.
Еще весь мир охвачен светлым взором,
Еще нет потрясений или бед.

А за плечами остается детство
Без груза злоключений и потерь.
И все, что было, — на всю жизнь наследство,
К мечте и цели отворяет дверь.

Черемуха ослепит белизною,
Цветочным валом платья окатив.
В костюмах мальчишки, взращенные войною,
Решительны, как смелый детектив.

Звучали поздравления и песни,
Вручают первоклассники цветы.
Ивась Булата обошел на месте,
Ивану предпочтя преподнести.

Булат бы проглотил сно пилюлю,
Не будь тревоги взвихренных минут.
И он стоял, как будто принял пулю,
Как будто кожу колют или жгут.

НА ОСТРОВЕ

Проходят дни экзаменов в секретах
Билетов, баллов и контрольных тем.
Булат бывает у Гилевых редко,
Но голову он потерял совсем.

Лицо Валюшки, оттеснив все лица,
В том майском пересверке предстает.
Медали ей бы все таки добиться
А он свое уж как-нибудь найдет.

Где трудности, то дело и желанней,
Ванюшку одолеть еще легко, —
Его еще не раз посадит в сани,
Но Валя вот уедет далеко.

Ориентир намечен — химвбиолог,
И поступить должна лишь в МГУ.
Булат избрал тот путь, который долог;
Педвуз и далее, — он и так в долгу.

Закончились экзамены и к балу
Соклассники готовились вовсю.
Гилева Валя с золотой медалью
Уж собралась отправиться в Москву.

В столице за Гилевыми квартира
С пропиской узаконена была.
В ушах звенит команда: «майна-вира!»
Квартира их до пенсии ждала.

Прощальный бал оттанцевал к рассвету,
Где были слезы розовых девчат.
Как будто знали, что иных на свете
Отныне не придется повстречать.

Нельзя не соблюсти былых традиций, —
Всем классам встретить за рекой рассвет.
Как было Валентине не гордиться:
Иртышский мост Гилева был проект.

И по мосту в одежде черно-белой
Вдоль перил идут выпускники.
И все-таки Булату захотелось
Отвлечь от Вали Ваню у реки.

Он вынул из кармана се фото,
Когда немного приотстал Иван.
И, встав к Косыху вполуоборота,
Выдавливал тяжелые слова:

— Я с Вале́й, понимаешь, крепко связан.
Вот это фото может подтвердить.
Ты как-то к ней относишься развязно,
Хоть ты соклассник, не тревожь ту нить. —

Как будто знал Иван давно все это;

— Она вольна и все решит сама —.

Булату стало легче от ответа,
И все быстрее рассеивалась тьма.

Прохладой дышет островная зелень.

У Вали кудри выются, как ковыль.

Играли, пели, севши в карусели.

Кружилось все, как небыль и как быль.

Черемуха ослепит белизною,

Цветочным валом платья окатив.

В костюмах юноши идут рекою

Решительны, как смелый детектив.

И были снова клятвы и присяги,

Венок прощальных и сердечных слов.

И лишь Булата, отведя к коряге,

Гилева посадила «под засов»;

— Как смел, Калиев, говорить про фото?

Показывать? Верни его назад! —

Так оказался вдруг Булат в центноте.

— Отдай мне фото, возврати, Ба-лат...

И были бесполезны возраженья,

Валиуша, словно укусил комар,

Свое твердила снова, неизменно,

Булату панеся тупой удар.

А он в ответ поставил тоже принцип:

— Я не верну, скорей его порву.

— Тогда порви. будь рыцарем и приищем!

...Упали ключья фото на траву.

Вот так прокрался между ними холод.

Хоть встречи продолжались и потом.

Она юна и он был очень молод,

Осталась их любовь за Иртышом...

ПИСЬМО БУЛАТА КАЛИЕВА

(вместо эпилога)

Оно в плену у незнакомых окон.
Ночами только ощущаю около
Знакомых ног невинные следы:
Ломали их и время, и дожди.
Еще не регулируются гены.
Тоскует степь, томится степь, как гений.
В твоём окне придумали мы горы, —
Предгорье молча отнимает годы.
И смотрят удивленные балбалы,
Что гениев рождается так мало..
И я смотрю на те смешные годы,
Когда из окон открывали звезды.
Где было то несбывшееся счастье:
Пределы и границы рвать на части.
Мы знали и не знали о Курчатове.
А чахнет то, что начато иначе?
Идут мои дела в науке туго.
Мой друг—поэт потомственный в округе,
Мы выверили дружбу на Памире.
Друзей все меньше остается в мире.
Мы были на Московском фестивале:
Узнал сокласницу и не узнал я.
А первая любовь живет так редко,
Как северный щегол-красавец в клетке.
А ты ушла и перешла границу.
Тебе, наверно, это не простится,
А Терешкова, тетка твоя, Валя
Рванулась с Байконура к звездным далям.
Ты, акая, рожденная москвичка,
За морем скрылась птичкой-невеличкой.
Живешь ты где-то в незнакомой Пизе,
Куда лишь доберешься по круизу.
А за границей — синие просторы,
Где ты синицей поджигашь море.
Ах, эта заграница, заграница..
Змеей дорога стала бы мне сниться,
И снились бы несбывшиеся лица
И северные серые ресницы,
И это неразбитое окно...

1983—86 г.г.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ

МАТРОССКАЯ МУЗА

«Весело, как с парашютной вышки»	3
Тревога	
Ответ на песню «Мы вас подождем»	4
Новогодняя вахта	5
Заслужил	
«На службе флотской»	6
На рыбалке	
Мирный город	7
Ильяс Джансугуров	8
На Иртышском ветру	9
На перроне	10

РОДНАЯ ПОЛОСА

Десятиклассники	10
Буду рад	11
В школе	
Улица Комиссарская	12
Первый снег	
Прощание с матерью	13
Звезда	
Открытка	14
Приобщение к театру	
Возвращение птиц	15
Молодое лето	16
В осеннем парке	17
Осень на острове Кирова	18
Старожил	19
Прощание с театром	20
Еще одна зима	
Первые друзья	21
Ожидание весны	22
Возвращение в Прииртышье	
За Иртышом	23
Дорога	24

П О Э М А

Окно соклассницы	25
------------------	----

Издание осуществлено на бумаге, предоставленной брокерской фирмой «АСЕЛЬ». Автор выражает благодарность Генеральному директору Лючню Александру Михайловичу

Редакторы Базанов В. М., Султанбеков О. М.
Художник Назаров А. М.

Тираж 10 тыс. экз. Цена договорная.

13